

будем благодарны партии за отеческую заботу о нас в те трудные дни.

Наша страна напрягала тогда все силы, чтобы остановить гитлеровцев, рвавшихся к Волге. И в этих условиях были выделены самолеты для вывозки больных партизан. Командование Черноморского флота получило приказ производить эвакуацию партизан на боевых кораблях.

Ближе всего к побережью, где могли тайно пристать корабли, находились отряды нашего третьего района. Но дойти до берега моря и благополучно эвакуироваться оказалось чрезвычайно трудной задачей. Четыре раза отправлялись группы на посадку, и четыре раза их постигала неудача. То сбываются с пути и выйдут не к той точке побережья, то запаздывают, то в назначенное время не придет корабль.

Расскажу о том, как пыталась эвакуироваться четвертая группа. Она была сформирована в середине сентября и состояла из ста человек.

Мы тепло провожали уходящих товарищей, желали им благополучного пути. Завидовали им. И это понятно: люди отправлялись к своим, на отдых и лечение, а нам предстояло провести в лесах суровую зиму.

Однако через неделю стало известно, что операция не удалась. Говорили, якобы противник каким-то образом узнал, где пройдет группа. Но вероятнее всего, сами партизаны двигались недостаточно осторожно и нарвались на вражескую заставу. Тут произошел неравный бой. Наши люди, изнуренные двухсуточным переходом, не смогли дать необходимого отпора. В схватке погибли многие. Тяжелое ранение получил комиссар Севастопольского отряда Николай Кривошта, которого я хорошо знал. Это был скромный и очень храбрый человек, верный сын партии, опытный политработник.

Во время похода Николай шел впереди. Поэтому, когда головная часть группы попала под вражеский огонь, он был ранен в числе первых. Превозмогая боль, он сумел вывести остатки группы из-под удара. Пошли в обратный путь. Страшным напряжением воли Николай заставлял двигаться свое иссеченное осколками гранаты тело. Но вот предсмертный туман стал заволакивать его сознание. Он еще шагал, будто во сне. Товарищи, шедшие рядом, услышали, как он тихо сказал: «Больше не могу», и увидели, что он падает. Его подхватили, положили на

плащ-палатку, понесли. Он очнулся и отчетливо произнес. «Хватит. Все». И умер на руках у медсестры Норы Давыдовой.

Комиссара похоронили в скалах на горе Басман. Речей и салютов не было. Враги крались следом. Только один из его товарищей сказал:

— Таким бы людям жить и жить.

Вспомнив о Кривоште, я вспомнил и другого политработника — Сухиненко. До войны он работал в редакции газеты «Красный Крым». У нас он был политруком группы, партизаны его любили: он был образованным человеком и храбрым бойцом. Погиб Сухиненко также при одной попытке выйти на побережье. На промежуточном привале он почувствовал себя плохо. Сел, прислонившись к дереву, и сказал:

— Сердце отказывает. Сейчас умру. Кто будет на Большой земле, передайте жене и дочери, что умер честно, за Родину.

Партизаны окружили политрука, но ничем не могли ему помочь. Он умер у них на руках.

Командование района решило больше не посыпать групп на побережье. А самолеты, понятное дело, всех вывезти не могли.

В штабе района мне сказали:

— Готовьтесь, Македонский, со своим отрядом к зимовке. Вы остаетесь.

Сказал: «Есть», повернулся и пошел. Прихожу в отряд, люди не сводят с меня глаз. Хоть мы и старались держать наши разговоры в тайне, но разве от партизан что-нибудь укроется? Они и без слов понимают, что вести невеселые. Я прошел по лагерю, объявил, что остаемся на зиму.

— Я выдержу, — твердо сказал один, — я еще крепкий.

Другой пошутил:

— В Сочи климат сырой, а здесь горный, здоровый.

Двое сказали просто:

— Командиры остаются — и мы остаемся.

Я был рад этим ответам, рад боевому, бодрому настроению людей.

На следующий день меня снова вызвали в штаб района. Здесь уже были командир 2-го Симферопольского отряда Чусси и командир 1-го Симферопольского отряда Селезнев.

Николай Кривошта.

И. А. Сухиненко.

Не мешкая, начальник района Г. Л. Северский объявил:

— Получена радиограмма — к нам посылают большую подводную лодку, которая может взять на борт сто человек. Место посадки — мыс Кекенеиз. Пойдут на эвакуацию отряд Македонского и группы из отрядов Чусси и Селезнева. Командиром сводного отряда назначается Македонский, его заместителями Чусси и Селезнев. Разработайте маршрут, определите места дневок, возьмите проводников — и в путь.

Комиссар района Василий Иванович Никаноров, оглядев нас, сказал:

— Помните, товарищи, за ходом операции будут следить все партизаны, остающиеся в лесу, и все, кто знает о ней на Большой земле. Хорошо подготовьтесь, проинструктируйте людей, в походе соблюдайте порядок. Желаю удачи, друзья. До встречи на Большой земле.

Мы немедленно отправились по отрядам. Я сразу же послал к мысу Кекенеиз нашего лучшего проводника пожилого партизана Кравченко. Мы звали его «дедом». Дед с первых дней нашей борьбы находился в Акмечетском отряде, исходил яйлу вдоль и поперек. Вдобавок

эти места были памятны ему еще по гражданской войне: он и тогда партизанил.

Особенно опасным был спуск с яйлы — отрезок пути с гор до берега. Мы знали, что немцы наставили на берегу много мин, устроили разные ловушки и сюрпризы. Я приказал деду тщательно проверить тропку к морю, по которой он нас поведет, выбрать незаминированный участок берега. Разведав дорогу, дед и его напарник (они шли вдвоем) должны были встретить нас в пути.

Мы начали подготовку к походу. Разбили людей на десятки, во главе каждой десятки поставили старшего. Он должен был следить за порядком в своей группе. Старшинами назначены опытные командиры и политработники: М. Самойленко, В. Черный, В. Третьяк, П. Ткаченко, М. Апазов, М. Дам и другие. На время пути люди получили сухари и концентраты.

Утром 4 октября 1942 года все отправлявшиеся в поход (85 человек) собрались в лагере 2-го Симферопольского отряда. Люди хорошо позавтракали — командование района выделило нам продукты, недавно сброшенные с самолета. Была объявлена цель нашего похода. До этого мы делали вид, что готовится обычная продовольственная операция, но партизаны давно догадывались, в чем дело. Их разве проведешь?

Все были рады, но вместе с тем в настроении людей чувствовалась какая-то печаль. Мы уходили из мест, где знаком и дорог каждый куст и камень, где столько было пережито! Прикипела к сердцу крымская земля, политая нашей кровью. Не просто было расставаться с нею. Мы мечтали спуститься с гор, выйти из лесов победителями. А вот приходилось уходить тайком, прячась и оглядываясь...

Невольно подумалось: когда мы снова окажемся в Крыму? Не скоро, должно быть. А может быть, и скоро. Лишь бы полегчало на фронте, лишь бы отогнать врага от Волги. Но так или иначе, а мы еще вернемся и освободим тебя, родной Крым!

Звучит команда: «По местам!» Люди построились и двинулись вперед партизанской цепочкой — в затылок друг другу. Впереди головное охранение, сзади группы прикрытия.

Через возвышенность выходим на копаную дорогу. Она начинается у горы Чучель, спускается к Сухой Альме, по ее течению выходит к деревне Бешуй, а дальше

через Саблы ведет на Симферополь. По этой дороге мы идем в обратном от Симферополя направлении.

Проводником у нас Алексей Черников. Этот «следопыт» будет послабее деда, но тоже не плох. Он из командиров-пограничников, в лесу с осени 1941 года. Зарекомендовал себя смелым партизаном. Хорошо ориентируется на местности. За ним можно идти спокойно, он не «заведет» и не подведет.

Спускаемся к речке Писара. Здесь большой привал и приготовление горячей пищи (единственный раз за весь поход). Вспыхивают костры, партизаны готовят ужин. У каждого свое «меню», хотя продукты одинаковые. Одни варят суп, другие кашу. Некоторые готовят и «третье» — заправленный корнями кизилового дерева чай, приятный, красивого цвета напиток.

Вот все поужинали, набрали в запас воды. Она нам очень нужна, следующий источник будет не раньше чем через двое суток пути.

Нужно двигаться дальше. Чтобы попасть на место вовремя, придется строго выдерживать намеченный график движения. Начинаем ночной переход. Выходим на так называемое Романовское шоссе. Вокруг ночь — тихая и прохладная. Темное небо усеяно звездами. Люди шагают молча: строжайший приказ — соблюдать тишину.

На рассвете приходим к мелколесью возле деревни Биюк-Узенбаш (Счастливое). Сидим здесь целый день. Идти по открытой яйле днем опасно. И вообще с ясным днем мы не в дружбе. Наша союзница ночь, и чем она темнее, тем лучше.

Вот она, наконец, наступает. Мы снова в пути. Идем довольно быстро. На рассвете проводник остановился, стали и мы.

— Где-то тут должен быть родник, — говорит Алексей. — А где, аллах ведает.

Рыскаем туда и сюда, возвращаемся, описываем круги — родника нет. А он нам нужен позарез. Впереди дневка, без воды мы пропадем. Самое страшное в том, что рассвет надвигается. Если нас здесь засекут — все пропало.

Отряд останавливается. Головная группа, проводник, командиры идут впереди. Неожиданно впереди видим огонек. Кто-то жжет костер. А костра здесь никакого быть не должно. Место глухое, безлюдное. Неужели это вражеская застава?

Раздумывать некогда. Гвоздев и Добросоккин, взяв в зубы ножи, ползут на огонь. Мы останавливаемся, приготовив автоматы.

У костра тихо, никакого движения. Сейчас наши должны вскочить... Нет, не вскакивают, а медленно подымаются и идут вразвалку. Мы опускаем автоматы.

От костра доносится хохот и мат — вперемежку. Подходим. Оказывается, это наши проводники, посланные вперед, — дед Кравченко с напарником. Мы совсем о них забыли. Разведчики с ними перегутиваются.

— Одна минута — и я бы тебя, дед, заколол. И оказался бы ты в аду — бог бы тебя наказал за то, что спиши на посту и маскировки не соблюдаешь.

— Руки у тебя, поганец, коротки меня заколоть. Будто я тебя не видел, когда ты к костру полз? Видел! Ты высоко зад подбрасывал и вилял им вот так... Ну, думаю, пусть старается, пусть учится по-пластунски ползать. А мне по старости и полежать можно.

Кравченко держится гордо. Он, хитрец, понимает, что ругать его некогда, нам надо скорее прятаться, пока совсем не рассвело.

Схема движения отряда к побережью.

— Все исполнено, — бойко докладывает он. — Выведу точно на место. Об этом не беспокойтесь.

— А где родник?

— Вот он, метров сто. Вода знаменитая.

Мы спешим к роднику, пьем, делаем передышку, опять пьем. Заполняем водой все емкости, всю тару. Теперь скорей на дневку. Дед отыскал отличное место — беспорядочное нагромождение скал. В этом хаосе, в щелинах мы и скрываемся. Отсюда хорошо видно шоссе Ялта — Севастополь, оно ниже нас. По шоссе снуют машины, мотоциклы. До нас доносится немецкая речь. Справа от нас, метров за 400, высота. Оттуда время от времени доносятся винтовочные выстрелы.

— Это немецкий наблюдатель, — говорит дед. — Скучно ему сидеть на горке, вот он и пуляет. Для развлечения и для поднятия духа немецкой армии. Пусть его. Он исполняет свое дело, а мы свое...

Сидим день в скалах совсем недалеко от гитлеровцев. В голову лезет глупая мысль: а что будет, если они нас обнаружат? Ничего хорошего не будет. Об этом лучше не думать.

Прошел и этот, последний наш день на крымской земле. В сумерки поднимаемся, идем вниз. Под ногами камни. Продираемся сквозь заросли кустарников. Наша и без того незавидная одежда превращается в клочья.

Выходим на шоссе, выставляем дозоры в ту и другую сторону. Пять человек одновременно вскакивают и перебегают дорогу. Затем следующие пять.

Дальше ведет тропа. Предупреждаем людей, чтобы шли только по ней, стараясь попадать след в след, по сторонам могут быть мины.

9 часов вечера. С головной группой ускоренным шагом идем к морю. Хотя это и мало вероятно, но лодка может прийти раньше десяти часов. Не опоздать бы.

Выходим к воде, садимся на прибрежные камни. Вокруг тихо и темно. Море сегодня спокойное, мелкие волны чуть слышно плещутся у ног. Сидим, думаем, то и дело посматриваем на часы. Придет сегодня лодка или нет? Если придет, то где остановится и как мы до нее будем добираться? А если не придет? Что ж, вернемся в скалы, будем сидеть еще день и ждать еще ночь. Плохо, что продукты на исходе. Люди держатся на нервах.

Селезнев докладывает, что все подошли. Хорошо. Значит, проскочили дорогу благополучно.

Снова до боли в глазах всматриваемся в темноту. Добросокин ложится на берег, прикладывает ухо к земле. Встает и говорит, что слышит шум мотора. Мы ему не верим. Проходит еще пять, десять, двадцать минут. И вот сразу несколько тихих голосов говорят, что да, что-то есть... Теперь и я слышу: слева, со стороны Ялты, доносится гул. Идет какой-то корабль. Уже можно различить силуэт. Партизаны спрашивают, будем или нет подавать сигналы.

— Будем. Если это немецкий сторожевой катер, он нас обстреляет. Тогда подымемся в горы. А если это наши! Не подай сигнал — они уйдут. Давай сигнализировать!

Вытаскиваем карманные фонарики, зажигаем. Видим, горят они слабо: во время похода батарейки отсырели. Бряд ли с моря заметят такие тусклые огни. Что делать?

— Надо зажигалками, — предлагает кто-то.

Верно, зажигалки будут лучше. Вытаскиваем их. Чирк-чирк, вспыхивают огоньки. Как было условлено, делаем пять вспышек, затем паузу, и снова чирк-чирк — пять раз. Ярко вспыхивающие искры не заметить нельзя. Сейчас или ударит залп, или... Мы замираем. На корабле показывается огонек, очевидно, сигналят в ответ. Судно поворачивает к берегу и останавливается. Видим, что это не подводная лодка, а катер.

— Морской охотник, — определяет партизан, бывший моряк.

Не ловушка ли это? Может быть, враг узнал о нашей операции, отогнал подводную лодку и прислал свой корабль, чтобы уничтожить нас? Присмотревшись, видим, что катеров не один, а два. Вот от одного отчаливает лодка. Ну, кажется, наши. И сразу отлегло от сердца.

Лодка подходит к берегу.

— Партизаны! Братишки! Давай сюда, мы пришли за вами! — слышится громкий возглас.

Точно, наши! По голосу слышно, что говорящий на веселе: хлебнул, видать, спиртного для храбрости. Моряки, их двое, прыгают в воду, выходят на берег, обнимают нас, жмут руки.

На берегу суматоха, движение. Первая группа садится в шлюпку и отплывает. Подходит шлюпка и от второго катера. Новая группа быстро занимает места. Все, кажется, идет нормально. Посадка началась, мы до сих пор не обнаружены.

Но вот из Кекенеиза, до которого примерно километ-

ра полтора, донеслись звуки набата: бом-бом-бом. Тревога. Значит, нас заметили. Только один рейс шлюпки сделали в тишине.

И началось... В небо взлетели ракеты, по морю начали шарить прожекторы. Стало светло. Мы отчетливо видим свои катера, шлюпки, видим весь берег, крутой обрыв, камни, за которыми прячемся. Из деревни бьют пушки, пулеметы. Трассирующие нити тянутся в сторону моря. Неужели все сорвется? Катера пока стоят на месте, шлюпки продолжают курсировать туда и обратно. Моряки торопят:

— Скорей! Живо!

В суматохе одна шлюпка опрокидывается, к счастью, совсем рядом, у берега. Вымокшие люди вылезают из воды и снова занимают места.

Бражеский огонь становится сильнее. Работают скростиельные пушки, крупнокалиберные пулеметы. Но видно, что немцы бьют пока вслепую: заметили что-то неладное, а что — не поймут.

Эвакуация идет все же медленно. Моряки нас подгоняют, но шлюпок мало, и ускорить дело нельзя. Обстановка самая напряженная. Того и гляди, немцы пристреляются и разнесут катера.

Моряки это понимают. Вот оба катера, снявшись с места, подходят еще ближе к берегу. Теперь они оказываются под защитой скалы, в «мертвом пространстве». Снаряды и пули летят выше.

О том, что произошло дальше, мы позднее всегда вспоминали со смехом, но в тот момент нам было совсем не весело.

Партизаны, сгрудившись у воды, ждали своей очереди на посадку. Нервы у всех были напряжены до предела. И вот, когда катера приблизились, кто-то крикнул:

— Чего ждать? Давай вплавь.

С лихорадочной поспешностью люди стали раздеваться, снимать обувь, фуфайки, брюки, рубашки. Некоторые бросали и оружие. Вмиг бухта заполнилась десятками плывущих, барабающих тел. Вода между берегом и катерами кипела, как в кotle. Раздавались крики о помощи, возгласы:

— Не цепляйся! Я сам едва плыву!

— Оставь сапоги — на дно утянут!

Моряки бросали за борт спасательные пояса, вытаскивали людей за концы веревок, сами прыгали в море и

помогали ослабевшим. Поддавшись панике, в море бросились и те, кто плавал совсем плохо. Но, к счастью, никто не утонул: желание попасть на Большую землю прибавило сил.

Пальба не стихала. Немцы перенесли огонь выше, на шоссе. Думали, очевидно, что высаживается десант, и пытались преградить ему путь в горы.

Мы небольшой группой по-прежнему стояли на берегу в ожидании шлюпки.

Один из катеров уже отчалил.

Прибежал связной от группы Чусси, охранявшей нас со стороны дороги. Спросил, можно ли им спускаться. Я разрешил.

Неожиданно и второй катер тронулся с места, направляясь в открытое море. Когда автоматчики Чусси подошли к нам, мы увидели только пенящийся след... Кричали, но это было бесполезно, нас не слышали.

Надо было немедленно уходить, пока немцы не окружили нас и не перебили. Карабкаясь вверх, мы ругали моряков. Хотя их тоже можно было понять: ведь катера стояли совсем на виду. Береговая охрана, конечно, долнесла, что у Кекенеиза высаживается десант.

Группа оставшихся партизан во главе с Шуваловым уже перешла через дорогу и углубилась в лес. Мы, человек десять, шли медленнее, на горе остановились и еще раз оглянулись. Крик удивления и радости почти одновременно вырвался у нас: ушедший катер описывал дугу и вновь приближался к берегу. Не разбирая пути, кубарем скатились вниз, к воде. Подошла шлюпка. Два рейса, и все мы были, наконец, на борту.

Что, оказывается, произошло? Когда катер тронулся, партизаны осмотрелись и увидели, что нет ни меня, ни Чусси.

— Командиров забыли! Давай назад! — закричали они.

По радио узнали, что и на первом катере командиров нет. Тогда капитан-лейтенант Владимир Тимошенко решил вернуться за нами. Оказавшись на корабле, мы горячо благодарили его. Теперь, кажется, все в сборе. Кричим в темноту:

— Эй, кто там еще на берегу?

Тихо, значит, все. Только нет группы Шувалова. Но их теперь уже не догонишь — поспешили, ушли.

Можно трогаться. Но мы стоим. В чем дело? Опять

беда: при подходе к берегу катер зацепился винтом за камни.

Переволновавшись при посадке, мы как-то уже равнодушно отнеслись к этому. Будь что будет. Моряки суетятся, лезут в воду. Слышны резкие слова команды. Неужели застрияли? Проходит полчаса, а может только пять минут, но они нам показались долгими. В любой момент враг мог обнаружить нас и расстрелять в упор.

Но вот корпус судна вздрагивает. Снялись! Набирая скорость, катер удаляется от берега. Я выхожу на палубу. Маленькое суденышко стремительно несется вперед, буквально зарываясь в воду. С той и с другой стороны встают высокие водяные стены, и мы идем как бы в водном коридоре. Фашисты палят вдогонку, но все мимо.

Катера связываются по радио и каким-то образом находят друг друга в безбрежном ночном море. Дальше идут друг за другом.

Слышу, из трюма доносятся крики. Спускаюсь и вижу партизана.

— Братцы, вода! — кричит он. — Дно пробило. Тонем! Прощайте, братцы!

Разумеется, его испуг вызван неумением ориентироваться в обстановке, которая может сложиться на море. Человек-то сухопутный. В лесу вел себя смелей.

Появляется моряк. Он успокаивает нас, говорит, что вода лишь кое-где просачивается, но пробоины нет. Все облегченно вздыхают.

Миновала еще одна опасность. Сколько их уж было за эту ночь!

Я обхожу своих товарищев. На них страшно смотреть. Многие в майках, трусах, кальсонах. Грязные, бледные. Завернувшись в одеяло, сидит Калашников. На коленях автомат. Все бросил, а оружие сохранил. Молодец!

Никто ничего не говорит. Последние сутки мы были почти без воды. Во рту, в горле все пересохло. Моряки ухаживают за нами, принося кое-какую одежду, пищу. Но к пище никто не притрагивается, только пьют жадно, много. Качка совсем выматывает, выворачивает нутро. Люди лежат пластом, многих тошнит.

Мы идем всю ночь прямо на юг. Когда же кончится эта ночь, эта качка?

Утром над морем взошло солнце. Мы вылезли на палубу, грелись, сушились. Внезапно прозвучал сигнал воздушной тревоги. Со стороны Ялты налетели два самоле-

та. Катера быстро разошлись в разные стороны, открыли огонь из зенитных пулеметов. Самолеты, не снижаясь, бросали бомбы, строили из пулеметов, но моряки были абсолютно спокойны. И верно, в маленькое суденышко, рыскающее из стороны в сторону, попасть очень трудно. Очевидно, и вражеские летчики это поняли. Израсходовав боезапас, самолеты улетели.

Мы сменили курс. Повернули к берегам Кавказа. Шли весь день и ночью прибыли в порт Туапсе. Здесь уже знали о нашем прибытии, нас встречали представители обкома партии, военного командования. Мы, наконец, сошли на твердую землю, оказались среди своих. Настроение сразу улучшилось. Приветствиям, расспросам не было конца. А мы только и могли сказать:

— Ну и посадка! Ну и поездка! А в общем — здорово получилось, замечательно!

Пересчитали людей: налицо 81. А выходило 85. Не попали на катера четыре человека. Позднее нам сообщили, что они вернулись в лагерь.

Потом нас усадили в санитарный поезд. Мы вымылись, пообедали, бросились на чистые постели (какое это блаженство!) и заснули мертвым сном.

ЗОЛОТОЙ НАШ НАРОД

Утром проснулись в Сочи. Ярко светило солнце. По улицам проносились машины, спешили прохожие. Жизнь шла размеренно, спокойно. Никто не стрелял, не прятался.

Было удивительно, непривычно. Мы ощупывали себя: уж не сне ли это, не в сказке ли? Нет, наяву, на самом деле! Широкие улыбки не сходили с наших лиц. Даже говорить не хотелось, так велика была наша радость, так мы были ошеломлены.

Разместили нас в лучшем госпитале города. Раньше здесь был санаторий № 2. Прекрасное здание расположено в центре города, на проспекте Орджоникидзе, вокруг чудесный парк, по соседству драматический театр.

Первые пять суток почти не выходили из госпиталя, отсыпались, отдыхали, приводили себя в порядок. На пятый день нас известил секретарь Крымского обкома партии Владимир Семенович Булатов. Обком в это время был в Сочи. Булатов долго и обстоятельно расспрашивал